

«Семнадцатый!.. Но догорели...». Вл. Нарбут: поэзия и правда 1917 года.

Революционные события 1917 г. были не только началом глобальных перемен в общественной жизни России, но и временем коренных изменений в системе культуры. Эволюционный процесс, внутри которого существует культура, зависит от ряда факторов,¹ в том числе и от динамики механизмов, ее составляющих. По замечанию Ю. М. Лотмана, «колеса различных механизмов культуры движутся с разной скоростью».² Эти различия в «скорости движения» определяют, среди прочего, и уникальность культуры. Сходные или смежные элементы культуры, так или иначе связанные между собой, могут менять, иногда довольно существенно, характер этой взаимосвязи: литературный язык и язык художественной литературы могут развиваться параллельно, но могут и конфликтовать, то отставая, то опережая друг друга в развитии. Это же касается и литературных стилей и направлений: в русской культуре начала XX в. акмеизм и символизм не только просуществовали неодинаковое время, но и имели несимметричные модусы – что послужило одной из причин полемики историков литературы: «А был ли акмеизм?».

В своей монографии «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман³ рассматривает семиотическую природу двух типов исторического развития – эволюционного и революционного. Революционный тип («взрыв» по Лотману) влечет за собой радикальные изменения внутри совокупности языков,⁴ которые составляют сложное единство культурного пространства. То, что в эволюционных процессах, происходящих в культуре, занимает десятилетия, «взрыв» сокращает до нескольких лет, а иногда до нескольких

* Автор выражает искреннюю признательность Елене Годиной за помощь в подготовке этой статьи к печати.

¹ К их числу относятся структурная подвижность: невыраженность/размывание границ, подвижность в отношениях «центр–периферия» и т.п.

² Лотман, 1987, 12.

³ Он же, 1992.

⁴ Понятие «язык(и)» здесь используется в семиотическом смысле.

месяцев. Таким образом, на изначально разную динамику семиотических механизмов накладывается сложившаяся в культуре общая «революционная ситуация».

Исторический топос «1917 год» как «взрыв», произошедший в семиотическом пространстве русской культуры, вызвал столкновение новых языков со старыми,⁵ породив множество сложных перекодировок внутри культурного пространства, создав новые словари и новые грамматики, невладение которыми зачастую стоило жизни носителю языка. В процесс такого рода были вовлечены, в той или иной степени, все общественные силы, однако, как было отмечено Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским, роль государства в этом процессе является ведущей: «Деление языка на “старый” и “новый”, с высокой ценностной характеристикой второго, и стремление к переименованиям должностей, самого названия государства, титула его главы, географических и личных собственных имен начинают рассматриваться в качестве естественной функции государственной власти».⁶

Обращаясь к рассмотрению революционных процессов, происходивших в культуре 1917 года, нельзя обойти вниманием одну из наиболее острых проблем этого времени: невероятно быстрые изменения, происходившие в обществе, требовали немедленного обновления языка. Драматичность этого процесса представлена В. Маяковским в поэме «Облако в штанах»:

улица корчится безъязыкая –
ей нечем кричать и разговаривать.
Городов вавилонские башни,
возгордясь, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово.⁷

⁵ Достаточно часто категорию «новых» формировало перемещение того или иного языка с периферии в центр, смена его (языка) места в социо-культурной иерархии и т.п.

⁶ Лотман и Успенский, 335.

⁷ Маяковский, 181–182.

Обновление национального языка, который должен был обеспечивать коммуникативные потребности нового общества (новые «вещи» нуждались в новых словах), так же как и обновление языка художественной литературы, где происходил сходный процесс, но в иной знаковой реальности, было, во многом, процессом спонтанным, в нем участвовали представители разных слоев общества, исполняя различные «задания» или «роли». Однако роль литератора имела определенные особенности: в частности, писатель использовал и «новый» язык, который рождала «улица», и «старый», который уже существовал, и – если речь не шла о радикальной языковой политике⁸ – служил «соединительной тканью» перемен. При этом чрезвычайно важно, что писатель, поэт должен был получить от государства право на слово и право на имя; условия приобретения этих прав, начиная с 1917 г., постоянно ужесточались.

Менявшееся содержание литературной деятельности вызывало также изменения в области профессионального самосознания литератора, в частности, в том направлении, в котором их рассматривает концепция конференции,⁹ говоря о «проницаемости и обоюдной обратимости между профессиями «пера» и профессиями «дела». Разумеется, реальные обстоятельства общих перемен, кратко обозначенные выше, могли давать разные результаты – этот процесс следовал определенной модели, однако не был механическим воплощением ее в жизнь.

В этой заметке мы рассмотрим «новое писательство» в качестве субъекта обновления языка и, одновременно, объекта авторефлексии, взяв в качестве примера биографию и творчество В. И. Нарбута (1888–1938), поэта, журналиста, редактора и литработника, чья недолгая жизнь практически полностью оказалась связанной с «эпохой перемен».

* * *

Владимир Нарбут¹⁰, поэт-акмеист, активный участник «Цеха поэтов», в 1910-е гг. постоянно печатавшийся в повременных изданиях, издавший до Октябрьской революции

⁸ Заумный язык, например.

⁹ 1917 год: Литератор и литературовед: инженер, свидетель, жертва исторического рубежа / социального слома. Тезисы к конференции. София, 11–14 мая, 2017.

¹⁰ В нашей статье мы рассматриваем только те факты биографии В. И. Нарбута, которые имеют отношение к издательской («дело») и творческой («перо») сферам деятельности последнего, и помогают понять последствия культурного «взрыва» для новой советской реальности.

три книги стихов, в 1917 г. не опубликовал, насколько нам известно, ни строчки. Но уже в 1918 г. появляется целый ряд стихотворений Нарбута, революционная риторика которых то в значительной степени опиралась на его акмеистический опыт, то отбрасывала его. Нарбут как бы «переписывает» значительную часть своей поэтики: «переписывая» в одних случаях (т.е. обновляя), и «переписывая» в других (т.е., копируя, оставляя без изменений).

Надо заметить, что в период до 1917 г. Нарбут был вполне безразличен к происходившим в России политическим событиям. Как в целом был безразличен к политике и круг поэтов-акмеистов. В их взглядах «тоска по мировой культуре»¹¹ трансформировалась в особый тип сознания:

Акмеизм не только литературное, но и общественное явление в русской истории.¹²

Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма.¹³

Такое мировоззрение, гуманистическое по своей сути, не требовало участия ни в общественных движениях, ни в партийной деятельности. В этом все шестеро поэтов-акмеистов, при всех их прочих различиях, были едины.

Важно заметить, что в 1910-е годы сам Нарбут был увлечен более всего созданием собственной поэтики, представлявшейся достаточно радикальной для его акмеистического окружения: книга стихов «Аллилуиа» была настоящей «пощечиной общественному вкусу». Автора привлекли к суду по статье 74 Уголовного уложения и по статье 1001 Уложения о наказаниях,¹⁴ а книга подлежала изъятию и уничтожению. Значительную часть тиража Нарбут спас, а сам в октябре 1912 г. отбыл в Абиссинию, откуда вернулся в марте 1913-го после амнистии, объявленной в честь 300-летия дома Романовых.

¹¹ Устное высказывание Осипа Мандельштама на собрании воронежского Союза советских писателей (февраль 1935 г.). На вопрос: «Что такое акмеизм?» – Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре» (Ахматова, 211).

¹² «О природе слова» (Мандельштам, 1993, 217–231; цит. 230).

¹³ «Утро акмеизма» (Мандельштам, 1993, 177–181; 180).

¹⁴ «Книжная летопись», изд. Главного управления по делам печати, 1912, №21, 38.

На родине Нарбут немедленно оказался главным действующим лицом еще одного скандала. В Санкт-Петербурге с 1908 г. издавался литературный и общественно-политический ежемесячник «Новый журнал для всех», издание умеренно-демократическое, печатавшее известных писателей-реалистов и критиков марксистского толка, но не чуждое и более современным веяниям (здесь печатались и сам Нарбут, а также Вас. Гиппиус, С. Городецкий, С. Клычков, А. Липецкий, и др.) Оказавшись в сложном финансовом положении, последний из издателей предложил Нарбуту приобрести журнал, что тот и сделал. Под редакцией Нарбута вышли только апрельский и майский номера. Были опубликованы стихотворения М. Зенкевича, С. Городецкого, М. Моравской. Сам Нарбут, до того печатавший в «Новом журнале для всех» невинные гимны природе, поместил здесь стихотворение «Покойник», написанное совершенно в духе поэтики «Аллилуиа». По-настоящему радикальных перемен не произошло: издание не стало печатным органом постсимволистской литературы, зато неумелые действия нового издателя быстро разорили журнал, и ранее не бывший финансово благополучным. В июне «Новый журнал для всех» вышел уже под редакцией нового владельца, которым оказался Александр Гарязин, журналист, издатель, политический деятель, один из лидеров русских националистов, коротко говоря – черносотенец. Именно ему Нарбут продал журнал. После публичного скандала, взаимных обвинений,¹⁵ Нарбут уехал из Санкт-Петербурга, или, скорее, бежал, спасаясь от позора, домой, на хутор Нарбутовка.

Заметим, что это был его второй по счету опыт издательской деятельности. В 1911 г. Нарбут принимал участие в издании еженедельного литературно-художественного журнала «Gaudeamus». Журнал печатался на хорошей бумаге, с массой изящных иллюстраций и виньеток, издавался недолго и не имел коммерческого успеха.

Итак, летом 1913 г., успев еще перед отъездом из Петербурга издать книжку-игрушку «Любовь и любовь», Нарбут возвращается домой, в Нарбутовку, вскоре женится на соседке по имению, Нине Лесенко. И продолжает писать и печататься в разных повременных изданиях.

Начало Первой Мировой войны вызвало небывалый подъем патриотизма в русском обществе. В той или иной степени война затронула умы и сердца очень многих, в том

¹⁵ Обвинения, предъявленные Нарбутом Гарязину и ответ последнего; см. также письмо Нарбута Вас. Вас. Брусянину (май 1913 г.): «обстоятельства сложились так нехорошо для меня» (РГАЛИ, Ф. 42, Оп. 2, № 5).

числе и участников Цеха поэтов (Гумилев, Городецкий). В течение 1914–1916 гг. Нарбут написал и опубликовал несколько десятков стихотворений, посвященных «Великой войне». Их корпус примечателен, прежде всего, тематически: большинство их посвящено либо конкретным событиям на театре военных действий, либо участникам этих событий, героям войны.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, серия «военных» публикаций прерывается в середине 1915 г., однако пейзажная лирика еще продолжает появляться на страницах периодических изданий. В 1916 г. Нарбут напечатал одно стихотворение,¹⁶ в 1917 г. – ни одного.

Начиная с февраля 1917 г. Нарбут активно участвует в политических событиях, правда, это участие больше было похоже на шараханье из стороны в сторону: на выборах в гласные уездного земства от г. Глухова он вначале проходит по списку украинских социалистов, потом – по списку «социалистов-революционеров интернационалистов и большевиков»; в конце концов он подает заявление в Глуховский комитет партии социалистов-революционеров о выходе из ее Глуховской организации. После этого он присоединяется к большевикам: по сведениям Т. Р. Нарбут и В. Н. Устиновского, в конце 1917 г. Нарбут стал председателем подпольного ревкома.¹⁷

В ночь на 1 января 1918 г., в имение Лесенко в с. Хохловка, где семья Нарбутов встречала Новый год, ворвалась банда. Не вполне ясно, кто это был – анархисты, «чубы» (гайдамаки), «красные партизаны», просто бандиты: со слов самого Нарбута – «гайдамацкие партизаны».¹⁸ Нарбут был тяжело ранен, лишился кисти левой руки.

Оказавшись в 1918 г. в Воронеже, Нарбут принимает участие в создании и работе периодики большевистской ориентации, входит в редколлегия газет «Известия воронежского губисполкома», «Огни», печатается в журнале «Вестник Воронежского округа путей сообщения», «Воронежском красном листке» и ряде др. изданий. Здесь он

¹⁶ «Родина», 1916, № 31, 358.

¹⁷ Нарбут и Устиновский, 320.

¹⁸ Автобиография В.И. Нарбута... Версии некоторых событий послереволюционной биографии Нарбута, включая нападение на Хохловку, рассматриваются в статье Оксаны Киянской и Давида Фельдмана «Советская карьера акмеиста: материалы к биографии Владимира Нарбута» («Вопросы литературы», 2015, № 1, 41–98), однако ряд утверждений, содержащихся в ней, представляются нам небесспорными и нуждаются в дополнительной проверке.

знакомится с большевиком-подпольщиком С. Б. Ингуловым,¹⁹ членом президиума губисполкома и соредактором местных «Известий». Плодовитый журналист, печатавший в периодических изданиях не только публицистические и критические статьи, но и литературные очерки, Ингулов покровительствовал поэту. Это покровительство, продлившееся еще годы, было немаловажным для будущей партийной карьеры Нарбута.

Таким образом, Нарбут, еще недавно путавшийся в названиях партий и их политических программах, был направлен на работу в Воронеж не только как представитель партии большевиков, но и как «профессионал издательского дела». Кроме вышеупомянутого опыта журнальной работы, до революции Нарбут издал три книжки стихов: поскольку изданы они были «иждивением автора», вероятно, он принимал самое непосредственное участие в процессе их печатания. То есть, определенным опытом Нарбут, конечно, располагал, но вряд ли он мог считаться «профессионалом»; однако выбор тогда был невелик, да и само время заставляло учиться быстро (см. далее цитату из его «Автобиографии»).

В условиях начавшейся Гражданской войны, постоянной, но плохо предсказуемой смены властей, голода и дефицита всего, в том числе и бумаги, Нарбут находит возможность осуществить и собственный издательский проект: здесь же, в Воронеже, он начинает издавать «иллюстрированный литературно-художественный пролетарский двухнедельник» «Сирена». Несмотря на то, что из печати вышли всего три номера этого журнала (два сдвоенных), благодаря энергии и инициативности Нарбута, в нем были опубликованы произведения наиболее известных (или вскоре ставших таковыми) поэтов и писателей того времени; журнал благословили своими фотографиями с автографами Луначарский и Горький. В смысле логики отбора авторов и/или логики построения журнального текста, трудно себе представить издание более эклектичное, чем «Сирена»: Нарбут напечатал здесь друзей из акмеистического круга (Ахматову, Зенкевича, Мандельштама) и не слишком жаловавших акмеизм классиков символизма (Белого, Брюсова, Блока), будущего советского поэта-песенника Антона Пришельца, только начинавшего свою поэтическую карьеру, и маститого Ивана Рукавишникова, прозаиков

¹⁹ Ингулов (Рейзер) Сергей Борисович (1893–1938), член РКП(б), руководитель Николаевского и Одесского подпольного комитета большевиков, журналист, член редколлегий и редактор целого ряда газет и журналов, заведующий Бюро Агитпропа ЦК РКП(б), начальник Главлита (цензура). Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1956 г. Нарбут посвятил Ингулову сб. «Плоть» (1920).

Пильняка, Шишкова, Чапыгина, Пришвина, Ремизова, поэтов-имажинистов (Есенина, Ивнева, Мариенгофа, Шершеневича и др.), Пастернака, Шилейко, Орешина. Однако Нарбут смог, во всяком случае, попытаться, обосновать эту пестроту. Во вступительной статье к сдвоенному номеру № 2-3 от 30 декабря 1918 г. он изложил в общем-то нехитрую идею, посредством которой «непролетарская» интеллигенция пыталась защитить для новых хозяев страны достижения «буржуазной культуры» (т.е., в какой-то мере, спасти и самих себя): Нарбут призвал пролетариат взять принадлежащее ему по праву культурное наследие прошлого, очистить его от «гнили» (даже здесь он не смог удержаться от использования образа, связанного с эстетикой отвратительного!) и обогатить собственными достижениями. Этот призыв, в целом, совпадал с программными заявлениями большевиков, однако примечательны некоторые детали нарбутовской риторики: во-первых, автор принадлежит той просветительской среде, которая готова встать на защиту интересов пролетариата и сохранить принадлежащие последнему культурные ценности прошлого; во-вторых, он отмежевывается от тех «наивных опекунов», которые сомневаются в творческом потенциале самого пролетариата. Автор статьи утверждает, что говорит он от имени нового класса, поскольку является редактором журнала, «выходящего в свет по воле рабоче-крестьянской организации». В-третьих, слово «скромный», повторенное в тексте небольшой заметки дважды («редакция зовет в свой скромный круг», «приблизить скромные свои страницы»), свидетельствует о некоторой неуверенности редактора в достаточной прочности занимаемого им места.

В 1919 г. редакционный анонс журнала неожиданно уведомил читателей, что «вследствие отозвания редактора «Сирены» В. И. Нарбута на Украину <так! – ВБ> для ведения ответственной работы, издание двухнедельника приостанавливается. Редакция не сомневается, что издание будет продолжено в ближайшем будущем, в одном из центральных пунктов Советской Украины, о чем своевременно последует сообщение».²⁰

Карьера Нарбута продолжилась в Киеве. Заниматься изданием «Сирены» он не стал, а участвовал в работе журналов «Зори», «Красный офицер», «Солнце труда». Когда в августе 1919 г. Киев заняли войска Добровольческой армии, Нарбут не эвакуировался

²⁰ «Сирена». Воронеж, [30 января] 1919, № 4–5, [158].

вместе с частями Красной армии,²¹ но предпринял довольно странный и рискованный анабазис по югу России. В Ростове-на-Дону он был арестован деникинской контрразведкой, где подписал отречение от большевистской деятельности. После занятия города конным корпусом Красной армии под командованием Думенко, Нарбут был освобожден из тюрьмы и продолжил работу по созданию органов печати на юге: за это время он побывал в Полтаве, Николаеве, Херсоне, Севастополе. Судя по некоторым мемуарным свидетельствам, его работа в этих городах, в основном, напоминала труд наладчика оборудования: начать выпуск издания, улучшить работу уже существующего, просто убедиться в правильности следования партийному курсу.²²

Приезд Нарбута в Одессу 15 мая 1920 г. стал в значительной степени поворотным в его карьере работника печати. Назначение Нарбута директором ЮгРОСТА делало его партийным чиновником более высокого ранга и ставило перед ним задачу большего масштаба, по сравнению с теми, которые ему приходилось решать ранее, – обеспечить работу информационного агентства на юге Украины. Кроме того, Нарбут редактирует журналы «Лава» и «Облава» (думается, рифмованность придуманных им заглавий отдавала то ли мягким юмором, то ли мягким, но очень нарбутовским сарказмом). И, главное: в Одессу прибыл не только партийный функционер, но и известный поэт-акмеист, человек «с биографией»:

О нем ходило множество непроверенных слухов. Говорили, что он происходит из мелкопоместных дворян Черниговской губернии, порвал со своим классом и вступил в партию большевиков. Говорили, что его расстреливали, но он по случайности остался жив, выбрался ночью из-под кучи трупов и сумел бежать. [...] Но самое удивительное заключалось в том, что он был поэт, причем не какой-нибудь провинциальный дилетант, графоман, а настоящий, известный еще до революции столичный поэт из группы акмеистов, друг Ахматовой, Гумилева и прочих, автор нашумевшей книги стихов «Аллилуйя», которая при старом режиме была сожжена как кощунственная по решению святейшего синода. Это прибавляло

²¹ Причины его поступка не ясны. Впоследствии Нарбут получил за это выговор по партийной линии.

²² Об этом см.: Мариинский, 8.

к его личности нечто демоническое. Вскоре в местных «Известиях» стали печататься его стихи.²³

Не только в Одессе, но и в течение всего этого периода (1918–1921) Нарбут продолжает писать стихи, иногда – рецензии и статьи. Никакого конфликта между «словом» и «делом» не происходит. Его поэзия в эти годы продолжает меняться, эволюционировать, складываются новые литературные приемы, появляется новая тематика. При этом, кроме новых поэтических сборников – «В огненных столбах» (1920), «Советская земля» (1921), Нарбут печатает книгу стихов «Плоть» (1920), практически целиком состоящую из стихотворений, написанных и опубликованных до революции, а также выпускает 2-ое издание «Аллилуиа» (1922).

В 1921 г. Нарбута отзывают в Харьков (тогдашняя столица Украины), где он занимает должность заведующего РАТАУ (Радио-телеграфное агентство Украины). Здесь он продолжает свое поэтическое творчество, публикуется в местной прессе, издает последний из увидевших печать сборник стихотворений «Александра Павловна». 1922 г. – еще одно заметное движение вверх по карьерной лестнице: Нарбута переводят в Москву, где он становится сотрудником ЦК РКП (б) по делам печати, входит в руководство ВАППа²⁴ и Союза работников просвещения и социалистической культуры, занимает ряд других ответственных постов. В это же время он реализует свой наиболее масштабный издательский проект – создает государственно-акционерное издательство «Земля и фабрика» (ЗиФ) и в качестве председателя правления руководит им. ЗиФ начинает издавать собрания сочинений русских и зарубежных писателей, классиков и современников, выходили приключенческие романы и мемуары, печатались такие серии книг, как «Рабоче-крестьянская библиотека», «Библиотека сатиры и юмора» и множество др.,²⁵ а также популярные журналы – «Тридцать дней», «Всемирный следопыт», «Вокруг света» (приложение к «Всемирному следопыту»), «Журнал для всех» и др. Не будет преувеличением сказать, что потребуется отдельная объемная работа только для того,

²³ Катаев, 110–111.

²⁴ ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

²⁵ Н. Я. Мандельштам сообщает: «Издательскую деятельность Нарбут представлял себе на манер американских издателей детективов: массовые тиражи любой дряни в зазывающих пестрых обложках... [...] Свое издательство «ЗиФ» («Земля и фабрика») он взял нищим, а отдал процветающим, с большим капиталом в банке» (Мандельштам, Надежда, 60).

чтобы описать все издательские проекты, в которых участвовал Нарбут, и все начальственные посты, которые он занимал.

В начале 20-х гг. работа Нарбута как партийного функционера, журналиста и работника печати еще сосуществует с его поэтическим творчеством, но, примерно, с 1924 г. он перестает публиковать новые стихи. В 1924–1926 гг. появляются лишь единичные перепечатки его послеоктябрьской поэзии («Красная Россия», «Семнадцатый» и т.п.), да знаменитая в свое время хрестоматия под редакцией Ежова и Шамурина печатает подборку его старых стихотворений.²⁶

Отказ от публикаций был воспринят в большинстве своем как отказ от поэзии, хотя причины виделись разными.

И трижды прав Вл. Нарбут, несомненно один из интереснейших поэтов нашего времени, что, посвятив себя политической работе, он отсек художественную, – и стихов сейчас не пишет «принципиально». Работа его в Ц.К.Р.К.П. совершенно отчетлива, ясна, прямолинейна, рациональна до конца. Поэтическое же творчество, по самой природе своей, иррационально, и «совместительство» было бы вредно для обоих призваний. Здесь у Нарбута – не только честность с самим собой, которой в наше время не хватает многим и многим; здесь еще и здоровый эстетический инстинкт художника, которого лишены наши бесталанные соискатели этого блистательного звания.²⁷

М. Зенкевич, поэт-акмеист, близкий друг Нарбута, писал:

Свершу самоубийство, если я
На миг поверю, что с тобой
Расстаться можно так, поэзия,
Как сделал Нарбут и Рембо!²⁸

²⁶ Русская поэзия XX века..., 155–157.

²⁷ Лежнев, 187.

²⁸ Зенкевич, 189.

Нарбут действительно перестает публиковать стихи,²⁹ но не перестает их писать. К 1926 г. была написана одна из лучших поэтических книг Нарбута «Казненный Серафим».³⁰

В 1928 г. документ об отказе от большевистской деятельности, подписанный Нарбутом в деникинской контрразведке (см. выше), оказался в распоряжении партийных органов и в том же году Нарбут был исключен из ВКП(б),³¹ смещен со всех партийных постов, уволен с поста руководителя издательства «Земля и Фабрика», «вычищен» из всех журнальных редколлегий. Зарабатывая на жизнь случайными литзаказами, переводами, работой на радио, он в начале 30-х пытается создать новую поэтику из осколков старой, найти литературных единомышленников и даже напечатать эти новые опыты «научной поэзии» в центральных периодических изданиях, полагая (несправедливо), что отношения общества и человека общественного в 30-е гг. все еще строятся на «общественном договоре» 20-х. Не забывая упомянуть о своей лояльности режиму там, где это только возможно,³² Нарбут полагает, что слова «большевик» и «большевистский» могут служить чем-то вроде мандата или индульгенции. Но времена изменились радикально. Критика буквально уничтожала новые стихи Нарбута – и в шутовских фельетонах,³³ и в выступлениях официозно-партийных критиков: так, одиознейший В. Кирпотин назвал поэзию Нарбута «насильственным штукарством заблудившегося и в поэзии и в нашей действительности интеллигента»,³⁴ а в 1936 г. карательный аппарат довершил дело: поэта арестовали, осудили на пять лет. Через два года, уже в лагере, по грубо, наспех состряпанному новому обвинению, этот приговор был заменен расстрелом.³⁵

Одним из свойств личности Нарбута, которое отмечают большинство знавших его, был юмор – парадоксальный, иногда мрачноватый. Чекисты, которые вели следствие по

²⁹ Но активно печатает статьи профессиональной тематики в «Журналисте».

³⁰ Несколько стихотворений из этой книги («Мороз», «В парикмахерской (уездной)», «Белье») были напечатаны в 1922–1923 гг. в харьковской периодике.

³¹ «Постановление ЦКК ВКП (б). В виду <так! – ВБ> того, что Нарбут, Владимир Иванович, скрыл от партии как в 1919 г., когда он был освобожден из ростовской тюрьмы и вступил в организацию, так и после, когда дело его разбиралось в ЦКК, свои показания деникинской контрразведке, опорачивающие <так! – ВБ> партию и недостойные члена партии, – исключить его из рядов ВКП (б). Секретарь партколлегии ЦКК ВКП (б) Шкирятов» («Правда», 1928, 3 октября).

³² Даже в стихотворениях «Еда» («Красная новь», 1934, № 2, 128–129) и «Выходной» («Вечерняя Москва», 1934, 17 июня).

³³ См., например: Дотошный читатель. Лирика и чикчирика // Лит. критик, 1934, № 5, 229–230.

³⁴ Кирпотин, 85.

³⁵ Обстоятельства, связанные с «делом Нарбута» проанализированы в книге А. Бирюкова (86–91).

второму делу Нарбута, тоже решили пошутить – на свой лад: в день приведения приговора в исполнение Нарбуту исполнилось 50 лет.

Что же заставило Нарбута, талантливое поэта, человека мужественного и честного,³⁶ хотя и не лишённого авантюрных склонностей, стать не только советским поэтом («певцом советского строя» он все же не стал), но и одним из создателей советской прессы? Разумеется, стремление выжить было одним из мотивов такого выбора, но все же не единственным. Вот что по этому поводу думал сам Нарбут:

[...] перейдя в Университет (Петербург, Историко-филологический факультет), я с первых дней своего зачисления: <так! – ВБ> вынужден был искать заработка для поддержания своего существования. Любовь к литературе (в гимназии и попозже я пописывал стихи и рассказы) толкнула меня на путь журнально-газетной работы. Я прошел едва-ли не все ступени этой работы: был хроникером, корректором, рецензентом, переводчиком, редактором, – словом, мало-помалу сделался писателем, литератором.³⁷

Не затрагивая ни логику высказывания, ни его отношение к действительности, отметим, что сам Нарбут связывает здесь литературу и «журнально-газетную работу» воедино.

Интересно и мнение Н. Я. Мандельштам, которое пересказывает в своих воспоминаниях Эмма Герштейн:

Политическая биография Нарбута была полна драматизма [...]. Года за два до той зимы <зимы 1928 г. – ВБ> я еще видела Нарбута на каких-то совещаниях, куда он приходил в качестве директора издательства «Земля и фабрика». Он сам был организатором этого издательства, но теперь оказался совершенно не у дел. Помню рассказ Нади о том, как «вчера» Нарбут весь вечер говорил о стремительном развитии индустриальной Японии, и чувствовалось, что у него, по выражению

³⁶ Все, что мы знаем о Нарбуте советского времени, говорит в пользу этого: с ним продолжали поддерживать дружеские отношения Ахматова, Мандельштам, Лозинский, Зенкевич, Катаев, Ильф и Петров, Бабель, многие другие, чья репутация – залог такого мнения. О том же говорят и сохранившиеся материалы следственного дела Нарбута (Бирюков, 86–91).

³⁷ Автобиография В.И. Нарбута...

Нади, мурашки по спине бегают, так он *рвется к большому делу* <курсив мой – ВБ>.³⁸

В годы, предшествующие изгнанию из номенклатуры, Нарбут много работает, сочетая партийно-организационную работу с издательской деятельностью. Его прагматичный «культуртрегерский» подход, на котором была построена работа ЗИФа, был во много близок просветительским проектам М. Горького пред- и послереволюционного времени. Судя по письму, в котором Нарбут почтительно (местами, кажется, слишком почтительно) испрашивает мнение «глубокоуважаемого Алексея Максимовича» относительно того, что стоит издавать, и ответу Горького, адресованному «уважаемому Владимиру Ивановичу», общего языка они не нашли: Горький поддержки издательским планам Нарбута не выказал.³⁹ Тем не менее, книги, выпущенные ЗИФом под руководством Нарбута, пользовались спросом у массового читателя.⁴⁰

Судьба Нарбута-издателя сложилась в советское время вполне успешно, и до определенного времени его деятельность «чиновника от литературы» не была помехой поэтическому творчеству.

Вторжение новой революционной реальности провоцирует глубокие изменения в поэтической системе Нарбута. Литературная «советизация»⁴¹ не могла не коснуться его; тем не менее, было бы упрощением говорить о том, что с приходом Советской власти Нарбут стал петь Советскую власть. Поэзия Нарбута-большевика стала сложным, не вполне предсказуемым, не вполне сбалансированным соединением идиостилия, сложившегося ранее, с новым материалом: их взаимное сопротивление рождало новый поэтический язык, процесс формирования которого был прерван физической гибелью Нарбута.

Рамки статьи не позволяют нам коснуться всех аспектов этой трансформации, мы рассмотрим лишь два, но важнейших тематических слоя поэзии Нарбута 1918-1923 гг.,

³⁸ Герштейн, 43.

³⁹ Письмо А. М. Горькому..., 60–66.

⁴⁰ См. например, заметку Нарбута «Читатель хочет романтизма» («Журналист», 1925, № 10, 5–6, 15–16).

⁴¹ Те самые «звучные стихи», «взвейтесь!» да «развейтесь!», которые сочиняет «к первому числу» поэт Рюхин (Булгаков, 396).

поскольку именно они в значительной степени связаны с «языковым взрывом» и последовавшим за ним формированием языка новой эпохи.

Реакция языка художественной литературы на события 1917 г. в целом, но, в особенности, на события Октябрьской революции заключалась, прежде всего, в обновлении и интенсивном производстве политической риторики. Поток лозунгов занял главное место в новой языковой иерархии. Внутри этого потока выделялись, прежде всего, призывы – к действиям разной степени конкретности (от «Пейте только кипяченую воду» и «Женщина! Учись грамоте!» до «Вступайте в Красную армию» и «Долой буржуазию»). И та поэзия, которая претендовала на актуальность и демонстрировала активную поддержку революционной власти, прежде всего, использовала поэтику лозунгов и призывов. Не избежала такой гипер-риторичности и поэзия В. Нарбута.

Вот некоторые примеры из нарбутовских стихотворений, в которых революционная риторика создается посредством вовлечения исторического и библейского материала.

Начнем с темы «двух Великих революций» – Великая Французская и Великая Октябрьская. Для самосознания русской культуры Великая Французская революция имела, без преувеличения, огромное значение. Произошедшие во Франции революционные потрясения обсуждали и пытались осмыслить многие – от Екатерины II, Радищева и Карамзина до декабристов, Герцена и Ткачева. Только перечисление исследований, посвященных сравнению двух революций, потребовало бы составления солидной по объему брошюры. Однако, если исключить из этого перечня «вещи» (сравнение событий в их материальной сущности), и перейти к «словам» (т.е. к риторике плана выражения), то мы окажемся лишь перед неким массивом цитат, изобилующим повторениями.⁴² В действительности же сама идея «революционной» близости часто строилась от противного; «слова» определяли «вещи». Маски Марата и Робеспьера, поиски шуанов и призыв «аристократов на фонарь» могли влиять сильнее, нежели существенные различия социо-политических ситуаций.

И в 1917 г. тема «двух Великих революций» служила не столько материалом для историософской рефлексии, сколько неким семиотическим зеркалом, в котором искали и

⁴² Даже одна из наиболее фундаментальных монографий, посвященная сопоставлению двух революций, рассматривает их более в плане исторического бытия, нежели исторического сознания: Mayer, Arno. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 2000.

находили большевистскую революцию. Так, в воспоминаниях Ильи Эренбурга о Марине Цветаевой мы читаем:

По природе она [Марина Цветаева] была создана скорее для бунта, чем для добротного порядка, о котором тосковали летом 1917 года перепуганные обыватели. У Цветаевой с ними не было ничего общего: но она отшатнулась от революции, создала в своем воображении романтическую Вандею [...].

Почему ее муж, Сережа Эфрон, ушел в белую армию? [...] Никак не могу себе представить, что ему захотелось стать шуаном.

Он уехал, а Марина писала [...]:

Андре Шенье взошел на эшафот.

А я живу – и это страшный грех.

[...] В тридцатые годы, давно охладев к русской Вандее, она все еще не могла примириться с новым стилем – я говорю не об искусстве, а о календаре.⁴³

Отсюда рождались идеи якобинского террора и термидорианского террора, отсюда идея «Русской Вандеи», существование которой, в значительной степени, обеспечивалось стремлением бороться с ней, отсюда хаос послереволюционных реформ, касавшихся то проблем собственности и прав гражданского состояния, то перемены календаря, института брака, сексуальной революции (сменившейся позже консервативной политикой в области семьи и брака), введение нового правописания и Постановление о борьбе с погромным движением. Сам термин «декрет» был заимствован во Франции, где после Великой французской революции акты Конвента и других законодательных органов получили такое название. В плане монументальной пропаганды, составленном Лениным и Луначарским, предполагалась установка памятников Марату, Робеспьеру и Дантону.

...Что с нами случилось?..

Крепли в заговорах

Бунтовщики, пока, блестя от жабр,

⁴³ Эренбург, 241–242, 245.

Широких листьев-прокламаций – ворох
Из-под полы не подметнул Октябрь.
И все: солдаты, швеи, металлисты:
(О, пролетарий!) – Робеспьер, Марат.⁴⁴

В процитированном выше стихотворении «Октябрьское солнце»⁴⁵ кроме имен-символов использована тема «заговоров» и «бунтовщиков», врагов Октябрьской революции, как параллель к истории революции Французской. К теме революционного террора Нарбут обращается и в стихотворении «Слушай!»:

– Буржуазия!
Лапы прочь!
Что причитания и стоны?!
– В подвал,
И слепни день и ночь.
– Иль в лагерь концентрационный!⁴⁶

Об этом же в стихотворении «Чека»:

... Революции бьют барабаны,
и чеканит Чека гильотину.⁴⁷

Наиболее прямолинейным собранием аллюзий на Великую французскую революцию как предвестник и образец для Русской революции можно считать стихотворение «Бастилия»:

Мы не забыли, как в садах Пале-Рояля
и у кафе Фуа ты пламенно громил
разврат Людовика, о Де-Мулен Камилл,

⁴⁴ Коммунист. Харьков, 1921. 7 ноября.

⁴⁵ «Коммунист», Харьков, 1921, 7 ноября.

⁴⁶ «Известия», Одесса, 1920, 11 июля.

⁴⁷ «Лава», Одесса, 1920, № 2, 1.

как дым Бастилию окутал, день вуаля! [...]
А в недрах зреет – зреет мести торжество
и гибелью грозит последней из Бастилий.
Так.
Рухнет и она.
От пролетарской пули,
кипит и пенится вселенская заря.
И сменим Двадцать Пятым Октября
Четырнадцатое Июля!⁴⁸

Среди примеров «революционного историзма» в поэзии Нарбута следует назвать стихотворение «Семнадцатый»:

Семнадцатый!..
Но догорели
в апреле трели соловья.
Прислушайся:
не в октябре ли
звучат весенние свирели
ликующего бытия?
Перебирает митральеза,
чеканя, четки все быстрей;
взлетев, упала марсельеза;
и из бетона и железа,
над миром, гимн, греми и рей!
Интернационал!
Как узко,
как узко сердцу под ребром,
когда напряжен каждый мускул
тяжелострунным Октябрем!
Горячей кровью жилы-струны

⁴⁸ «Коммунист», Харьков, 1921, 14 июля.

поют и будут петь во век,
пока под радугой Коммуны
возносит молот человек.⁴⁹

Через «песенный» лейтмотив стихотворения реалии Великой французской революции, объединенные с реалиями времени Третьей республики (Марсельеза и Интернационал), соотносятся здесь с предоктябрьскими событиями в России.

«Семнадцатый!.. // но догорели // в апреле трели соловья»...». Эти строчки представляют собой развернутую метафору-аллюзию: во-первых, апрель 1917 – это время так наз. «Апрельского кризиса»: возвращение из эмиграции В. И. Ленина, публикация его «Апрельских тезисов»⁵⁰, в которых содержится призыв к социалистической революции, оппозиционная в целом направленность политики большевиков по отношению к Временному правительству;⁵¹ в том же ряду событий – демонстрации под антиправительственными лозунгами, прошедшие 20–21 апреля в Петрограде, Москве и др. городах России.

Во-вторых, «апрельские трели соловья»...» – это намек на А. Ф. Керенского, бывшего уже ко времени Апрельского кризиса признанным политическим лидером и наиболее яркой фигурой во Временном правительстве.⁵² Керенского называли «соловьем»,⁵³ иронизируя над его чрезмерным ораторским пафосом. Между февралем и октябрем Керенский успел узнать и народную любовь, и народную ненависть. Пик популярности Керенского наступит несколько позднее, в мае, после кризиса, когда он получит портфель военного министра, но «Семнадцатый» – не историческая хроника,⁵⁴ а поэтический образ

⁴⁹ Сборник «Советская земля», Харьков, 1921, 3, с пометкой в конце: «Гирасполь, 1920 г.».

⁵⁰ «Апрельские тезисы» были опубликованы в статье В.И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» (Ленин, XXXI, 1969, 113–118).

⁵¹ Ленин выдвигает лозунг: «Никакой поддержки Временному Правительству» (Ленин, XXXI, 114).

⁵² «Для многих современников Александр Федорович Керенский был центральной фигурой Февраля, именно он олицетворял для них свершившийся переворот. [...] Речь шла обо всем периоде революции – с марта по октябрь, хотя Керенский стал министром-председателем лишь в июле» (Колоницкий, 11).

⁵³ Об этом прозвище Керенского вспоминают такие разные свидетели времени, как, например, историк Юрий Готье (Готье, 20) и польский офицер Ришард Болеславский (Boleslavsky, 191).

⁵⁴ Даже со временем «догорания» соловьиных трелей Нарбут обошелся достаточно вольно: «Соловей принадлежит к числу поздно прилетающих птиц. В половине апреля он прилетает в Харьковскую и южную часть Киевской губ.<ернии>, после 20-го в центральную Россию, в первых числах мая в Петербургскую, в последней трети апреля или даже в самых первых числах мая в Казанскую. [...] Самцы перестают петь вместе с выводом птенцов, так как большую часть времени им приходится употреблять на добывание детям

времени, к тому же увиденный с определенных идеологически позиций: за цитируемыми строчками стоят Нарбут-поэт и Нарбут-большевик.

Стихотворение завершает упоминание «Коммуны», одного из ключевых понятий революционной и послереволюционной идеологии в России, связанного с историей Парижской коммуны 1789–1794 гг. и ее реинкарнацией 1871 г.

Другим смысловым ресурсом, ставшим наиболее заметным – количественно и качественно – в новой поэтике Нарбута, была библейская тематика. Конечно, Нарбут обращался к ней и в дореволюционной поэзии, но только сейчас образы Библии, ее язык стали средством толкования революционных событий. В 1910–1920-е гг. это было едва ли не общим местом, только позднее библейские образы подверглись цензурному запрету. Однако, Нарбут был в числе первых деятелей большевистской литературы, использовавших библейскую тему; кроме того, его собственная поэтическая манера с ее затрудненностью языка и стиха в значительной степени была им сохранена в революционной поэзии. В эти годы Нарбут создает значительный корпус текстов, в котором можно выделить следующие типы сюжетов:

1) стихотворения, написанные буквально с новостных газетных полос, основные темы – Гражданская война и мирное строительство. К первой относятся по большей части публикации 1920–1921 гг. в одесской периодике: в «Известиях», в газетах ЮгРОСТА (ОДУКРОСТА), «Одесский коммунист», журналах «Лава» и «Облава». В частности, материалом поэзии Нарбута становятся события Советско-польской войны 1919–1921 гг. Он использует имена военачальников, воевавших на Польском фронте (Буденный, Ворошилов, Петлюра, Пилсудский), географические названия, связанные с военными действиями (Бердичев, Варшава, Житомир, Киев), конкретные эпизоды войны. К примеру, строчки «Вперед! Варшава – впереди, // А не угодный вам Борисов!»⁵⁵ касаются попыток польского и советского правительств начать мирные переговоры; в качестве места ведения переговоров польская сторона предложила г. Борисов.

корма. Следовательно, в средней России соловьи замолкают в конце второй трети июня. [...] В южной России местные соловьи исчезают уже в конце июля» (Мензбир, 979–981).

⁵⁵ Стихи о войне («Мы серп и молот, мирный щит...») // ЮгРОСТА. Одесса, 1920, 9 июня.

На «трагическую смерть» Ананьевского предупредкома тов. С. Аносова,⁵⁶ «павшего жертвой контрреволюционной провокации», откликнулись одесские «Известия»,⁵⁷ двумя днями позднее Нарбут опубликовал там же стихотворение «Памяти С. Аносова» («Ты пал, ты умер, ты погиб...»⁵⁸).

Другая особенность этого типа лирики заключается в том, что Нарбут пытается уравновесить актуальную тематику множеством исторических цитат, символов и аллегорий. Используемые здесь цитаты из Библии, как правило, не предполагают создания глубокого подтекста – они сами и их смысл должны быть понятны.

2) стихотворения, в которых революционные события и Гражданская война представлены как глобальные перемены. Первым произведением этого ряда стало стихотворение «Красная Россия»:

Щедроты сердца не разменяны,
И хлеб – все – те же пять хлебов,
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов!⁵⁹

В качестве основы, фона для объединения двух революций – стихийной народной⁶⁰ и «осознанной» большевистской – здесь использованы библейские аллюзии; кроме приведенных, в этом же стихотворении мы встречаем образы радуги, восходящей над *скинией, мозолей, точащих* мощь; ст-ние заключается утверждением «Сегодня! // Ты – *обетованная* страна» <курсив мой – ВБ>.

Нарбут часто соединяет внутри одного стихотворения, одного контекста цитаты из Нового и Ветхого Завета – делая это, разумеется, не по незнанию: библейские образы в

⁵⁶ Аносов, Сергей Давыдович (1885–1920) – член коммунистической партии, участник революционных событий и Гражданской войны, с февраля 1920 г. – продовольственный комиссар Одесской губернии. Ввиду сложной обстановки в Ананьевском уезде (Ананьев – административный центр Одесской области) был назначен тамошним председателем ревкома. Убит 28 сентября 1920 г.

⁵⁷ «Известия», Одесса, 1920, 1 окт.

⁵⁸ «Известия», Одесса, 1920, 3 окт.

⁵⁹ «Сирена», Воронеж, 1918, № 1, стб. 2–3.

⁶⁰ Крестьянские восстания, возглавленные С. Разиным и Е. Пугачевым, советская идеология трактовала как революционные.

целом нужны ему и для создания высокого революционного «штиля», и для постановки смыслового удара:

Товарищи!
За трудовое право,
за власть советов – каждый, кто крылат,
иди федеративною облавой!
И кто умоет руки, как Пилат?!
И кто продать шинель (хотя-б дырявой)
за чечевичную похлебку рад!⁶¹

В некоторых случаях Нарбут использует не только цитаты из Библии, но и, в дополнение к ним, реалии православного быта:

Как в далеком детстве, со звездой
По снегам рождественским бродить,
Жизни с мудростью ее простою
Все дурное за вечер простить...
[...]
Взрослые, – с пятиконечной, алой, –
Бродим по свету мы со звездой.
Пением Интернационала
Колядуем, с тьмой вступая в бой.
Чтобы пролетарий новый мир воздвиг, –
Мир без крепостного рабства, без вериг.
Чтобы в челоуцах днесь и навсегда
В душах, солнцем ставших, умерла вражда!⁶²

3) стихотворения, в которых пафос революции соединен с автобиографическим мифом. О Нарбуте ходило «множество слухов»,⁶³ в частности повторялась выдумка о том,

⁶¹ Облава // «Облава», Одесса, 1920, № 1, 2.

⁶² Рождественская звезда // «Известия», Одесса, 1922, 7 янв.

что Нарбут воевал в Гражданскую войну и потерял руку. Но вряд ли кто-нибудь тогда знал об отказе от большевистской деятельности, подписанном Нарбутом в деникинской контрразведке.

Тема предательства, отречения – от «своего класса» для одних, от «большевизма» для себя – стала одним из основных мотивов цикла стихотворений «Большевик» (1920).⁶⁴ Именно здесь рождается автобиографический образ «Иуда, красногубый большевик» (здесь же – «Иуда, красногубый, как упырь»).

Сложная моральная самооценка содержится в стихотворении Нарбута «Совесь»:

Жизнь моя, как летопись, загублена,
Киноварь не вьется по письму.
Ну, скажи: не знаешь, почему
Мне рука вторая не отрублена?
Разве мало мною крови пролито,
Мало перетуплено ножей?
А в яру, а за курганом, в поле,
До самой ночи поджидать гостей!
Эти шеи, – потные и толстые, –
Как гадюки, скользкие, как вол,
Непреклонные, – рукой апостола
Савла – за стволом ловил я ствол.
Хвать за горло, а другой – за ножичек
(Легонький да кривенький ты мой!)
И – тягучей застит очи тьмой,
И тошнит в грудях, томит немножечко.
А потом, трясясь от рясных судорог,
Кожу колупать из-под ногтей,
И – опять в ярк и ждать гостей
На дороге в город из-за хутора.⁶⁵

⁶³ Катаев, 110.

⁶⁴ Подробный комментарий к циклу «Большевик»: Беспрозванный, 133–187.

⁶⁵ «Зори», Воронеж, 1922, № 2, 6.

Очень важно, что в этом стихотворении Нарбут использует авторское «я», что, в принципе, редкость для его поэзии: даже в «Большевике» Иуда представлен через третье лицо.

Сближение образа разбойника с образом апостола основывается здесь на одном из постулатов революционной идеологии: насилие допустимо и даже необходимо, если оно служит новой «большевицкой» вере. Но в рассматриваемом стихотворении смысл такого служения превращается в неразрешимый внутренний конфликт, связанный с личным, интимным, физиологическим переживанием убийства.

В 1919 г. Нарбут написал стихотворение «Предпасхальное», строки которого оказались для него пророческими:

Молчите, твари! И меня прикончит,
по рукоять вогнав клинок, тоска,
и будет выть и рыскать сухой гончей
душа моя, ребенка-старичка.
Но перед Вечностью свершая танец,
стопой едва касаясь колеса,
Фортуна скажет: «Вот – пасхальный агнец,
и кровь его – убойная роса».⁶⁶

Более всего Нарбут не считал и не хотел считать себя жертвой обстоятельств, общественных перемен; как и многие его современники, он, видимо, верил в этическую максиму, выраженную Осипом Мандельштамом в поэтической формуле:

Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.⁶⁷

⁶⁶ «Зори», Киев, 1919, № 1, 3.

⁶⁷ Мандельштам, 1990, 172; о теме «волка» см. комментарий к этому стихотворению в цитируемом издании, 510.

Но время распорядилось иначе, и другая максима – память о Великой французской революции, – оказалась более актуальной: «Революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей».⁶⁸

Литература

- Автобиография В.И. Нарбута от 13 апреля 1926 г. (из личного дела Нарбута Владимира Ивановича). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 16085. Л. 1–3.
- Ахматова, Анна. Листки из дневника. (О Мандельштаме) // Вопросы литературы, 1989, №2, 178–217.
- Беспрозванный, Вадим. «Разгадаю вещей ребус»: структура и смысл цикла стихотворений Владимира Нарбута «Большевик» // Wiener Slawistischer Almanach 71. München Berlin Wien: Verlag Otto Sagner, 2013, 133–187.
- Бирюков, Александр. Колымские истории. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2004.
- Булгаков, Михаил. Мастер и Маргарита. // Он же. Избранные произведения в двух томах. Том II. Киев: Изд-во художественной литературы «Дніпро», 1989.
- Герштейн, Эмма. Мемуары. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998.
- Готье, Юрий. Мои заметки. Москва, Терра, 1997.
- Зенкевич, Михаил. Отходная из стихов // Он же. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. Москва: Школа-Пресс, 1994, 189.
- Катаев, Валентин. Алмазный мой венец. Трава забвения. Москва: Вагриус, 1999.
- Кирпотин, Валерий. За литературу передового народа // «30 дней», 1936, № 4, 85.
- Колоницкий, Борис. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). <Москва>: НЛЮ, 2017.
- Лежнев, Исая. Где же новая литература? // «Россия», 1924. № 1, 187.
- Ленин, Владимир. О задачах пролетариата в данной революции // Он же. Полное собрание сочинений в 55 т. Изд. 5-е. Москва: Издательство политической литературы, 1969–1975. Т. XXXI, 1969, 113–118.

⁶⁸ Высказывание, автором которого считается лидер жирондистов Пьер Верньо, часто приписывают Жоржу Дантону или Камиллу Демулену (все трое были гильотинированы).

- Лотман, Юрий. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992.
- Он же. Символ в системе культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 754 (=Труды по знаковым системам. XXI), 1987, 10–21.
- Лотман, Юрий, и Успенский, Борис. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Успенский, Борис. Избранные труды. Том II: Язык и культура. Москва: Гнозис, 1994, 331–467.
- Мандельштам, Надежда. Вторая Книга. Москва: Согласие, 1999.
- Мандельштам, Осип. За гремучую доблесть грядущих веков. // Он же. Сочинения в 2 т. Том I. Москва: Художественная литература, 1990, 172.
- Он же. Собрание сочинений в 4 т. Том I. Стихи и проза. Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1993.
- Мариинский, А. Журналисты эпохи Гражданской войны // «Журналист», №12, 1927, 8.
- Маяковский, Владимир. Облако в штанах. Полное собрание сочинений в 13 т. Москва: Гос. изд-во художественной литературы, 1955–1961. Том I, 1955, 181–182.
- Мензбир, Михаил. Птицы России. <Т. 2>. Выпуск 6. Москва: Типо-литография Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеров и К^о, 1895.
- Нарбут, Татьяна, и Устиновский, Владимир. Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19. Сост. Николай Богомолов. Москва: Художественная литература, 1990, 313–329.
- Письмо А. М. Горькому от 7 августа 1925 г. / Крат. предисл. и примеч. Софьи Доморацкой; Письмо В. И. Нарбуту от 17 августа 1925 г. / Крат. предисл. и примеч. С. Доморацкой // Архив А. М. Горького. Том X. Горький и советская печать. Кн. 1. Москва: Наука, 1964, 60–66.
- Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней. Сост.: Ежов, Иван, и Шамурин, Евгений. Москва: Новая Москва, 1925, 155–157.
- Эренбург, Илья. Люди, годы, жизнь: книги первая, вторая, третья. Москва: Текст, 2005.
- Boleslavsky, Richard. Way of the lancer. New York: The Literary Guild, 1932.
- Mayer, Arno. The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 2000.